

© 2009 г.

Г.Н. ВАЛИАХМЕТОВА

ИРАКСКАЯ НЕФТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (1928–1941 годы)

Нефтяной фактор является важным компонентом системы международных отношений. Его особая роль в мировой политике изначально была обусловлена военно-стратегическим потенциалом нефти. В начале XX в. наличие свободного доступа к нефтяным источникам стало одним из ключевых показателей национальной обороноспособности, предопределив пристальный интерес ведущих держав к вопросам самообеспечения нефтью. С этого времени нефтяное производство перестало быть делом только коммерческих компаний, но вышло на острие внутренней и внешней политики стран, лишенных собственного углеводородного сырья. В мирной экономике нефть нашла широкое применение и привела к революционным изменениям в сфере промышленности и транспорта. Контроль над нефтяными ресурсами гарантировал великим державам устойчивые военно-стратегические и экономические позиции; в рамках становления курса на нефтяную независимость они стремились поддержать экспансию своего национального капитала в нефтеносных районах мира.

К числу причин, способствовавших формированию нефтяного аспекта международных отношений, следует отнести неравномерность в географическом размещении основных баз мирового снабжения нефтью. К началу XX в. из восьми великих держав только две – США и Россия – имели собственные нефтяные ресурсы, а все известные на тот момент источники были уже поделены. Открытие новых месторождений происходило в слаборазвитых странах, прежде всего на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, где к тому же владельцами недр являлись правительства этих государств, а не частные собственники.

Страны-владельцы нефтяных ресурсов в силу своей экономической отсталости объективно были вынуждены обращаться к опыту и капиталам западных монополий в деле создания национальной нефтяной промышленности. По этой причине последние, получив концессии, приобретали здесь доминирующее экономическое и подчас политическое влияние, а в случае возникновения разногласий с местными властями обращались за поддержкой к своим правительствам. Отсюда проистекала тесная связь коммерческой политики нефтяных компаний с внешнеполитическими доктринами великих держав.

В истории есть множество примеров, когда нефтяной фактор ложился в основу национальной дипломатии. Методы нефтяного империализма включали комплекс мер по предотвращению возможности появления иностранных конкурентов в перспективных нефтеносных районах. Стремясь поддержать свои нефтяные монополии в борьбе за контроль над новыми центрами нефтедобычи, правящие круги западных стран стали прибегать к методам дипломатического маневрирования и давления. В итоге коммерческое нефтяное соперничество дополнилось острым политико-дипломатическим

Валиахметова Гульнара Ниловна – кандидат исторических наук, докторант Центра арабских и исламских исследований Института Востоковедения РАН.

противостоянием, а нефтеносные территории были обречены на то, чтобы попасть под влияние одной или нескольких индустриально развитых держав.

Нефтяная дипломатия – это сложный, многоликий феномен, порожденный реалиями технологического развития индустриальной цивилизации в целом и военной отрасли в частности. Борьба за нефть органично вплеталась в систему международных отношений и отражала ее текущее состояние. Национальные приоритеты в сфере энергетики, их влияние на определение внешне- и внутривластного курса отдельных правительств, методы обеспечения сырьевой независимости страны – все эти аспекты играли и продолжают играть важную роль в современной мировой политике.

Хотя содержание и методы нефтяной дипломатии многократно менялись, многие ее установки и факторы, которые берут свое начало на заре нефтяной индустрии, и сегодня действуют в полную силу. В условиях поиска путей устранения некоммерческих рисков с одновременным отстаиванием национальных интересов уроки прошлого приобретают особую актуальность.

* * *

История освоения нефтяных богатств Ирака является яркой иллюстрацией реалий международной нефтяной политики межвоенного периода, когда вопросы обеспечения контроля над топливно-энергетическими ресурсами и средствами их транспортировки стали преимущественно перемещаться в политическую плоскость. Анализ влияния иракского нефтяного фактора на трансформацию системы международных отношений на Ближнем Востоке в 1928–1941 гг., сопоставление в указанном контексте методов реализации политико-стратегических и экономических интересов великих держав и отдельных стран региона позволяют провести определенные параллели с современной ситуацией, сложившейся вокруг Ирака, помогают лучше понять возможные пути развития этого государства и его роль в мировой истории, а также выявить специфику энергетической стратегии главных “игроков” на ближневосточной арене.

Нефтяной аспект международных отношений широко представлен в исторической науке. Значительное число публикаций, систематизация фактического материала, введение в научный оборот архивных документов, малоизвестных и редко используемых источников, освещение ряда спорных аспектов является свидетельством большого вклада отечественных и зарубежных историков в разработку проблем нефтяной дипломатии великих держав на Ближнем Востоке.

Вместе с тем следует признать, что комплекс вопросов, исследование которых способствовало бы более глубокому пониманию прошлых и современных международных проблем, пока остается вне поля зрения аналитиков. К их числу относятся сюжеты, связанные с влиянием иракского нефтяного фактора на такие процессы, как принятие Лигой Наций решения о предоставлении Ираку независимости в 1928–1932 гг., изменения в ближневосточной и национальной нефтяной политике Великобритании, США, Франции, Германии, Италии в контексте нарастания международной напряженности во второй половине 1930-х гг., разработка стратегии и тактики воюющих держав на начальном этапе Второй мировой войны, выдвижение Ирака на роль субъекта международных отношений.

Хотя на сегодняшний день отсутствуют обобщающие работы, посвященные роли иракской нефти в международной политике на Ближнем Востоке, обширная историографическая база, созданная отечественными и зарубежными авторами, позволяет подробно изучить поставленный вопрос.

Научная новизна исследования определяется введением в научный оборот документов из фондов Национального архива Великобритании. Британская дипломатическая и межведомственная переписка, стенограммы многочисленных межминистерских совещаний и отчеты британских нефтяных компаний о деятельности в Ираке раскрывают новые аспекты нефтяной дипломатии ведущих стран Запада на Ближнем Востоке.

Нефтеносные территории Месопотамии привлекли внимание международного капитала в конце XIX в. Накануне Первой мировой войны в борьбу за месопотамс-

кую нефть включились Великобритания и Германия, стремившиеся обеспечить себя нефтяной базой и избавиться от диктата американских трестов, которые тоже стали проявлять активный интерес к Ближнему Востоку.

Первая четверть XX в. ознаменовалась серией крупных международных конфликтов, завершившихся созданием под опекой Лиги Наций (под мандатом Великобритании) государства Ирак (1921 г.), передачей под его юрисдикцию спорных территорий Мосульского района (1926 г.) и определением узкого круга стран, допущенных к его нефтяным ресурсам (1922–1928 гг.). При участии правительств Англии, Франции и США была сформирована первая в истории многонациональная нефтяная корпорация “Туркиш Петролеум Компани” (“ТПК”), в состав которой вошли: британская полуправительственная “Англо-персидская нефтяная компания” (“АПНК”, ныне “Бритиш Петролеум”), англо-голландский трест “Ройял Датч Шелл” (“РДШ”), французская полуправительственная “Компани Франсез де Петроль” (“КФП”, ныне “Тоталь”), группа ведущих американских нефтяных компаний во главе с “Мобил” и “Эксон”, а также нефтяной магнат К.С. Гульбенкян, имевший британское гражданство.

В 1925 г. под давлением Лондона, Парижа и Вашингтона иракское правительство предоставило “ТПК” эксклюзивные права на проведение исследовательских операций в провинциях Мосул и Багдад сроком на 75 лет. Поскольку Ирак являлся подмандатным государством, в вопросах привлечения внешних инвестиций он был обязан придерживаться политики “открытых дверей” во избежание установления иностранной монополии в одной из отраслей его экономики. Поэтому компания могла добывать и экспортировать нефть только с отдельных участков своей концессии, основные же районы после геологического обследования подлежали сдаче в субаренду в ходе проведения тендера.

14 октября 1927 г. в местечке Баба-Гургур (близ Киркука), с древнейших времен известном своими “вечными огнями”, ударил мощный нефтяной фонтан. Новое месторождение сразу было отнесено к крупнейшим в мире, что устранило сомнения в целесообразности крупных инвестиций в нефтяную отрасль Ирака и форсировало процесс выработки условий сотрудничества между европейским и американским капиталом в деле освоения нефтяных ресурсов Ирака.

31 июля 1928 г. участники “ТПК” подписали так называемое “Соглашение о красной черте”, которое оговаривало их совместные действия не только в Ираке, но и в пределах европейской части Турции, полуострова Малая Азия, Аравийского полуострова (кроме Кувейта), Сирии, Палестины и ряда островов Средиземного моря¹. Соглашение стало важным шагом к установлению иностранной монополии в нефтяной отрасли Ирака. Оно примирило соперничавших ранее между собой владельцев “ТПК” и в значительной степени облегчало процесс приобретения ими контроля над нефтяными ресурсами Ближнего Востока, ограничив конкуренцию в регионе. Именно поэтому данное соглашение стало прототипом аналогичных нефтяных комбинаций, но уже в мировых масштабах. В то же время оно не устранило ряд важных противоречий, в связи с чем вопрос иракской нефти остался в числе сложных международных проблем. “ТПК” являлась предприятием, созданным на основе компромиссов; группы и поддерживавшие их правительства по-разному оценивали коммерческий и политико-стратегический потенциал иракской нефти, имели собственные цели и задачи, которые с трудом увязывались с планами других компаньонов.

Участие в нефтяных предприятиях Ирака позволяло Франции, практически лишенной собственных источников нефти, занять заметное место в кругу субъектов международной нефтяной дипломатии, давало ей определенные преимущества при решении вопросов мировой и региональной политики, создавало условия для освобождения своего внутреннего рынка от нефтяной зависимости от США, Англии и СССР. Поэтому Париж настаивал на максимальном увеличении добычи нефти в Ира-

¹ The Middle East and the North Africa in World Politics. A Documentary Records, v. 2. London, 1979, p. 401–411.

ке и организации ее экспорта в кратчайшие сроки. Уайтхолл считал “Соглашение о красной черте” эффективным инструментом сдерживания активности американского нефтяного капитала в жизненно важном для Британской империи регионе, а также средством уклонения от соблюдения здесь принципа “открытых дверей”. Совместный холдинг британских компаньонов “ТПК” обеспечивал им контрольный пакет акций. С учетом нефтяной монополии “АПНК” на северо-востоке Ирака (район Ханакина) и в Южной Персии подавляющее английское влияние в нефтяном производстве Ирака, а также всего Ближнего и Среднего Востока не вызывало сомнений. Соглашение не только разрешало проблему самообеспечения Британской империи нефтью, но и заложило основы англо-американского нефтяного сотрудничества. Американские владельцы иракской концессии получили то, к чему стремились изначально – точку опоры на Ближнем Востоке, но им пришлось согласиться на роль “младшего партнера” Англии в этом регионе. Американская группа разделяла мнение британских партнеров о том, что низкая конъюнктура мирового рынка в данный момент не способствует форсированию темпов разработки иракской нефти².

В итоге между британскими и американскими акционерами “ТПК” наметилось сближение на антифранцузской основе. Их объединяло стремление ограничить масштабы добычи нефти в Ираке и тем самым окончательно монополизировать нефтяной рынок Франции, вытеснив с него также советский нефтеэкспорт. Антифранцузская направленность этого альянса была закреплена в секретном Акнакаррийском соглашении (сентябрь 1928 г.), заключенном британскими и американскими владельцами иракской концессии. Международный нефтяной картель (МНК) взял курс на установление англо-американского контроля над мировой нефтяной промышленностью, в том числе в области разведки и добычи нефти, ее переработки, транспортировки и сбыта.

Нефтяные соглашения 1928 г. послужили первым шагом к урегулированию англо-американских нефтяных противоречий, в значительной степени за счет нефтяных интересов Франции, и оформлению картельных связей между нефтяными монополиями Великобритании и США. Вместе с тем они не привели к установлению прочного нефтяного мира, не разрешили принципиальных исторических противоречий между великими державами и скорее свидетельствовали об установлении относительного, кратковременного равновесия политических сил на Ближнем Востоке. Картельные соглашения 1928 г., кроме того, наносили удар по интересам поставленных в положение аутсайдеров ряда финансово-промышленных групп США, Англии и Франции, а также оставляли за бортом растущие нефтяные потребности Германии и Италии. Поэтому авторитетные исследователи считают 1928 г. началом очередного этапа борьбы за нефть Ирака и других арабских стран³. Теперь она развернулась не только между крупнейшими нефтяными компаниями, вошедшими в “ТПК” и МНК, но также между последними и компаниями-аутсайдерами, независимыми и действовавшими при поддержке своих правительств, которые стремились проникнуть на Ближний Восток в обход “красной черты”.

Первый конкурент “ТПК” появился в Ираке летом 1928 г. В состав акционеров новой нефтяной компании “Бритиш Ойл Девелопмент” (“БОД”) вошли влиятельные представители Лондонского Сити, чьи интересы были проигнорированы при создании “ТПК”. “БОД” претендовала на нефтяную концессию в Мосульском районе и в

² National Archives of the Great Britain, Public Record Office (далее – NAGB PRO), Foreign Office (далее – FO) 371/17831, E4540/487/25; FO 371/18925, E7269/9269/65; *Venn F.* Oil Diplomacy in the Twentieth Century. London, 1986, p. 18.

³ *Penrose E.* The Large International Firms in Developing Countries. London, 1968, p. 57–58; *Stocking G.W.* Middle East Oil. A Study in Political and Economic Controversy. Nashville, 1970, p. 126–128; *Blair J.* The Control of Oil. New York, 1976, p. 141; *Kokxhoorn N.* Oil and Politics: The Domestic Roots of US Expansion in the Middle East. Bern, 1977, p. 46–49, 51–53; *Miller A.D.* Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill, 1980, p. 12, 220.

случае успешного прохождения тендера обещала Багдаду внушительную финансовую помощь. “ТПК” настаивала на отсрочке аукциона, поскольку не могла с уверенностью сказать, покроет ли площадь закрепленных за ней участков все месторождение Баба-Гургур, единственное, которое она имела время тщательно исследовать. В этой связи 31 июля 1928 г., в день подписания “Соглашения о красной черте”, “ТПК” обратилась к правительству Ирака с предложением сократить территорию своей концессии до границ Киркукского нефтяного района и аннулировать систему субаренды. Политика “открытых дверей”, прописанная в соглашении “ТПК” 1925 г., тоже не устраивала Багдад, так как ограничивала его свободу действий при выборе концессионеров и определении условий концессий⁴. Поэтому иракские власти сели за стол переговоров.

Уайтхолл одобрил инициативу “ТПК”, поскольку она органично вписывалась в общие усилия британской дипломатии изъять политику “открытых дверей” из международных обязательств Ирака. Правовые положения мандатной системы позволяли использовать иракскую нефть другим государствам и допускали конкурентов в сферу жизненных интересов Британской империи. Летом 1929 г. Лондон известил Багдад о своей готовности поддержать кандидатуру Ирака в Лиге Наций в обмен на новый союзный договор, который прочно гарантировал военно-стратегические и экономические позиции Англии. Иными словами, выдвигая идею предоставления Ираку политической независимости, Великобритания фактически стремилась трансформировать форму своего контроля над страной и при этом закрепить монополию “ИПК” на разработку иракской нефти⁵.

В связи с пересмотром концессии “ИПК”⁶ Лондон ожидал серьезных политических осложнений. Прежде всего, просчитывалась реакция правительства США. «Сейчас нет причин ожидать американских протестов в случае изъятия принципа „открытых дверей“ из концессионных обязательств “ИПК”, – обоснованно полагали в министерстве по делам колоний. – Для Вашингтона принцип “открытых дверей” – это всего лишь цена, которую заплатили европейские группы за отказ американцев от противодействия попыткам “ИПК” добиться эксклюзивных нефтяных прав в Ираке». Американский капитал получил равную с европейскими компаниями долю участия в “ИПК”, поэтому, по мнению британских аналитиков, госдепартамент США воздержится от вмешательства в процесс модификации условий концессии, которая фактически должна расширить права компании и закрепить ее позиции в нефтяной отрасли Ирака⁷.

Серьезные проблемы могло создать французское правительство. Соглашение Сан-Ремо 1920 г. гарантировало Франции 25% участия в разработке месопотамской нефти. Взамен Париж обеспечивал благоприятные условия для сооружения двух нефтепроводов через французские мандатные территории для транзита нефти из Месопотамии и Персии к портам на побережье Средиземного моря. Фактически в соглашении речь шла о создании англо-французской “нефтяной Антанты”, которая закрывала бы американскому капиталу путь на Ближний Восток. К концу 1920-х годов международные реалии изменились, скорректировав британское видение региональных проблем.

Внешняя политика подмандатного Ирака выстраивалась в соответствии с имперскими планами Великобритании, суть которых сводилась к установлению контроля над обходными путями в Индию – территориями от побережья Леванта до Персидского залива. В основу региональной политики Багдада англичане положили принцип

⁴ NAGB PRO, FO 371/16042, E697/250/93; Colonial Office (далее – CO) 730/147/1, f. 68354A; CO 730/158/8, f. 78354B, p. 1.

⁵ *Silverfarb D.* Britain's Informal Empire in the Middle East. Oxford, 1986, p. 11–22; *Tripp Ch.* A History of Iraq. Cambridge, 2002, p. 61–65; *Fieldhouse D.* Western Imperialism in the Middle East 1914–1948. Oxford, 2006, p. 94–97.

⁶ 8 июня 1929 г. “ТПК” сменила свое название на “Ирак Петролеум Компани, Лтд” – “ИПК”.

⁷ NAGB PRO, CO 730/147/1, f. 68354A.

панарабизма и, предоставляя Ираку независимость, выдвигали его на роль лидера в решении стратегических задач общеарабского масштаба. Первым шагом должно было стать восстановление правления Хашимитов в Дамаске, вторым – экономическая интеграция британских мандатных территорий на базе нефтяного сектора Ирака. Поэтому Лондон предпочитал, чтобы “ИПК” сооружала только один нефтепровод, выбрала обходное направление через Трансиорданию и Палестину в порт Хайфа, а также построила вдоль маршрута железную дорогу. Главным противником этой схемы являлась Франция, которая не собиралась уступать своих позиций в Леванте и настаивала на беспрекословном выполнении соглашения Сан-Ремо. Помимо оживления экономики Сирии и Ливана, выход иракской нефти по двум нефтепроводам в сирийском порту имел для Парижа исключительное военно-стратегическое значение. Даже благожелательный нейтралитет Англии во время войны не гарантировал Франции возможность погрузить нефть на свои танкеры в Хайфе. Но в Лондоне опасались, что французы используют контроль над средиземноморским терминалом для расширения своей сферы влияния. Кроме того, нефтеснабжение британского военно-морского флота не должно было зависеть от Парижа. Иными словами, британское правительство стремилось не допустить Францию на командные высоты на Ближнем Востоке и при этом построить стратегически важные коммуникации за счет “ИПК”.

Во избежание открытого конфликта с Парижем Лондон делал ставку на иракское правительство, интересы которого подавались как решающие при определении трассы нефтепровода. Желания Франции и Ирака в некоторой степени совпадали: обе страны хотели как можно скорее начать вывоз нефти, но в вопросе о выборе терминала их позиции кардинально расходились. Иракские власти энергично защищали маршрут на Хайфу и настаивали на том, чтобы нефтепровод сопровождался железной дорогой, которая обеспечила бы Ираку доходы от транзитной торговли. Для северного маршрута нефтепровода магистраль Багдад–Хайфа не имела столь существенного значения, так как трасса прошла бы в 100 милях от действовавших сирийских линий. С учетом французских планов соединения транспортной системы Сирии с Северной Персией через Мосул, это означало, что сирийские железные дороги перетянут на себя основной грузопоток между Средиземным морем и Персидским заливом. Багдадская железная дорога также гарантировала Ираку оказание британской военной помощи, переброску войск и техники в кратчайшие сроки, без задержки от окружного пути через Суэцкий канал, Красное море и Персидский залив. В случае нападения на Ирак одного из его соседей, Франция и Сирия, даже оставаясь нейтральными, могли отказать в использовании своих транспортных линий. Поэтому Багдад подчеркивал, что железная дорога к Средиземному морю должна проходить по территориям его союзников⁸.

Таким образом, вопрос о маршруте нефтепровода оказался тесно связан с проблемами развития коммуникаций на Ближнем Востоке, повлек за собой рост напряженности во франко-иракских отношениях и продемонстрировал наличие острых англо-французских противоречий в рамках военно-стратегического соперничества двух держав в регионе. “ИПК” склонялась в пользу сирийского маршрута как самого короткого, экономичного и безопасного, а также не хотела увязывать сооружение нефтепровода с железнодорожным строительством. Компания считала, что высокие расходы на реализацию обоих проектов увеличат себестоимость иракской нефти, сделав ее неконкурентной на мировых рынках, особенно в условиях экономической депрессии⁹. Но “ИПК” была лишена свободы действий, а для правительств, стоявших за спиной ее владельцев, иракская концессия прежде всего имела политическое значение, поэтому практическое разрешение вопроса об условиях транзита нефти зависело от расклада сил на международной арене.

⁸ NAGB PRO, CO 730/146, f. 68354B, p. 1; CO 730/158/6, f. 78354, p. 3; CO 730/158/9, f. 78354B, p. 2; CO 730/158/10, f. 78354B, p. 3; FO 371/16042, E697/250/93.

⁹ *Dobbs H. Mosul Oil and the Pipe-Line. – Nineteenth Century and After. September 1930, p. 281–282, 285, 289; Gulbenkian N. Pantaraxia. London, 1965, p. 160, 162.*

Проблемы, связанные с предоставлением Ираку независимости и пересмотром концессии “ИПК”, осложнились новыми факторами. “БОД”, натолкнувшись на отказ Багдада вести переговоры, подала в Лигу Наций три петиции. Она заявляла, что в Ираке имеет место преднамеренная задержка разработки уникальных месторождений нефти, протестовала против нарушения принципа “открытых дверей” на мандатных территориях и требовала аннулирования нефтяных прав “ИПК” ввиду невыполнения последней условий концессии. “БОД” также извещала о том, что приобрела статус многонациональной компании путем расширения состава своих участников за счет итальянской полуправительственной компании “Ациенда Дженерале Италиана Петроли” (“АДЖИП”) и финансово-промышленных групп Германии, Швейцарии и Франции¹⁰. «Эта перегруппировка сил произведена с прицелом на Женеву и сулит нам массу проблем, — считали в британских правительственных кругах. — Курьез ситуации заключается в том, что концессия “ТПК” 1925 г. была добыта в результате многочисленных интриг. В случае с “БОД” (комбинация британских, французских, итальянских, германских и швейцарских интересов) история повторяется, и вновь ставка делается на патриотические чувства каждого правительства»¹¹.

“БОД” успешно использовала слабые места национальной нефтяной политики Германии, Италии и Франции с тем, чтобы заручиться поддержкой на правительственном уровне и получить выход на рынки сбыта. Но Лондон категорически отказывался сотрудничать с “БОД”, не желая открывать Берлину и Риму доступ в британскую сферу влияния. В поисках поддержки британского правительства английские владельцы “БОД” порой переходили к методам шантажа, угрожая отказаться от контрольного пакета акций в пользу французских, американских или сирийских потенциальных партнеров и приобрести преимущества по сравнению с “ИПК” в силу более широкого состава иностранных акционеров¹².

Тот факт, что “БОД” сумела заинтересовать правительства Германии и Италии, означал, что компания приобрела влиятельных союзников в Женеве в лице германских и итальянских дипломатов. Берлин и Рим с момента своего членства в Лиге Наций отличались настойчивостью в вопросах свободного доступа к источникам сырья. Грядущая ликвидация мандатного режима в Ираке позволяла возродить проблему на этот раз уже повторного “открытия дверей” на Ближний Восток.

Из 14 территорий, включенных в состав мандатной системы, Ирак был первым претендентом на статус независимого государства. Лига Наций столкнулась со сложностями, поскольку речь шла о создании прецедента. Задача определения принципиальных (применимых в дальнейшем для других мандатных стран) и специфических (отражающих конкретный случай Ирака) условий отмены мандата была поручена Постоянной мандатной комиссии (ПМК), которая сразу связала предоставление Ираку независимости с вопросом о перспективах развития его нефтяных ресурсов.

Нефтяная политика Англии в Ираке подвергалась острой критике на сессиях ПМК с осени 1929 г. до весны 1932 г. Представители Германии, Италии и Швейцарии акцентировали внимание на политических и международных аспектах дела, обвиняли державу-мандатарию в нарушении принципа экономического равенства на мандатных территориях и указывали, что условия концессии “ИПК” позволяют компании не только не разрабатывать иракскую нефть, но и исключить возможность ее эксплуатации другими фирмами.

Эффективным инструментом давления европейских держав, добивавшихся ликвидации британской нефтяной монополии в Ираке, стала болезненная проблема религиозных и национальных меньшинств. Ассирийцы и ряд курдских племен выступили против отмены мандата и отказывались переходить под юрисдикцию арабского прави-

¹⁰ Minutes of the 18th Session of the Permanent Mandates Commission. Geneva, 1930, p. 177–180; Minutes of the 19th Session of the Permanent Mandates Commission. Geneva, 1930, p. 177–178.

¹¹ NAGB PRO, CO 730/158/7, f. 78354A.

¹² Ibidem.

тельства, поставив под сомнение его способность обеспечить их права. Протест тысяч христиан Мосульского района поддерживала Франция как традиционная защитница христианских общин на Ближнем Востоке. Французские дипломаты убеждали ПМК в том, что Ирак не готов к независимости, и такой преждевременный шаг может серьезно стеснить положение западных держав в других мандатных странах. Действия Парижа в значительной степени были нацелены на разрушение англо-американского альянса в мосульском нефтяном вопросе, вынуждали Лондон к уступкам при выборе маршрута нефтепровода, а также свидетельствовали о стремлении Франции увеличить свою долю участия в нефтяных предприятиях Ирака за счет концессии “БОД”. ПМК предлагала учредить пост Постоянного представителя Лиги Наций в Ираке, направить в страну независимых экспертов и создать в Мосуле анклав для меньшинств. Англия оказалась в весьма стесненных условиях: в своих отчетах она никогда не упоминала о неблагоприятной ситуации в северных провинциях Ирака¹³.

Подписание 30 июня 1930 г. англо-иракского союзного договора вызвало новый всплеск критики в адрес Великобритании, которую обвиняли в создании монопольной сферы влияния в Ираке¹⁴. Лондону вновь давали понять, что положительное решение вопроса об отмене мандата на Ирак зависит от его уступчивости в нефтяных делах. “Великобритания не могла игнорировать эти угрозы, так как в случае неудачи Ирак получил бы другого мандатария”, – считает немецкий исследователь Г. Мейхер; он указывает, что нефтяной фактор был основополагающим в позиции Германии и Италии в период, когда решался вопрос об эмансипации Ирака, и отмечает, что в 1931 г. Берлин и особенно Рим перешли к открытому шантажу¹⁵. Этот тезис подтверждают материалы британских архивов. Так, например, в разговоре с британским Верховным комиссаром в Багдаде итальянский поверенный в делах сообщил, что его правительство не заинтересовано ни в отправке миссии Лиги Наций в Ирак, ни в тех вопросах, что были поставлены на сессиях ПМК, и главный мотив Италии – получить долю в разработке иракской нефти. Летом 1930 г. в Риме короля Фейсала официально известили, что пока “БОД” не получит нефтяную концессию, Италия будет препятствовать вступлению Ирака в Лигу Наций¹⁶.

Международный ажиотаж вокруг нефтяных ресурсов страны придавал правительству Ирака уверенность при переговорах с “ИПК”: южный маршрут нефтепровода и сооружение железной дороги на Хайфу были включены в перечень обязательных условий ревизии нефтяного соглашения 1925 г. Решение мотивировалось тем, что “ИПК”, располагая практически неограниченными финансовыми и техническими ресурсами, способна в короткие сроки построить нефтепровод и железную дорогу, которые станут основой экономического процветания Ирака. Кроме того, новый договор обеспечивал бюджет страны крупными валютными доходами задолго до начала экспорта нефти¹⁷.

Франция пыталась снять возражения Багдада против сирийского маршрута нефтепровода. Израильский исследователь И. Рабинович на материалах французской дипломатической переписки убедительно доказывает, что в Париже видели прямую связь между вопросом о транспортировке иракской нефти и претензиями Фейсала на сирийский трон. Идея возвращения Хашимитов в Дамаск широко использовалась арабскими националистами и являлась одной из ключевых в идеологии панарабизма.

¹³ Ibid., CO 730/154/2, f. 78124; CO 730/160/2, f. 88001B; Minutes of the 18th Session..., p. 80–81, 157, 182–184; Minutes of the 19th Session..., p. 70–71, 78–90, 90–96, 102–103, 122–124, 150–156, 177–184, 207–208; Minutes of the 20th Session of Permanent Mandates Commission. Geneva, 1931, p. 118, 223–228.

¹⁴ The League from Year to Year (October 1, 1929 – September 30, 1930). Geneva, 1931, p. 154–156.

¹⁵ Meicher H. Die Politik und das Öl im Nahen Osten, Bd. 1. Stuttgart, 1980, S. 38–39, 147–149.

¹⁶ NAGB PRO, FO 371/15308, E3993/5/93; CO 730/158/9, f. 78354B, p. 2.

¹⁷ Ibid., CO 730/158/8, f. 78354B, p. 1.

Париж считал Фейсала и его семью инструментом антифранцузской политики Англии на Ближнем Востоке и, стремясь получить тактические преимущества, время от времени соглашался обсуждать возможности установления монархии в Сирии¹⁸.

10 января 1931 г. французское правительство известило Багдад о своей готовности “просить Али, брата Фейсала, взойти на трон в Сирии”. Король скептически воспринял эту инициативу, посчитав, что “она замешана на нефтяных делах” и “нацелена на установление французского контроля над выходом иракской нефти к Средиземному морю”. Фейсал предполагал, что пока не решится вопрос о транзите, французы будут делать заманчивые для Али предложения, которые они не собираются выполнять¹⁹.

“ИПК”, со своей стороны, выдвинула компромиссное предложение о строительстве нефтепровода с двумя ветками на Триполи и Хайфу. Это увеличивало объем инвестиций на 2 млн ф.ст., но финансовые аспекты дела уже не принимались в расчет. Идея компромисса принадлежала американцам, что свидетельствовало об изменении соотношения сил в “ИПК”. Когда Международный нефтяной картель начал на практике осуществлять принципы Акнакаррийского соглашения, в частности принцип прикрепления рынков сбыта к географически тяготеющим к ним нефтедобывающим центрам, стало очевидно, что для Европы и стран Средиземноморья иракская нефть может дать бесспорную экономию на фрахте. Помимо коммерческих преимуществ, она имела стратегическое значение. Поставки американской, румынской, советской, персидской, ост-индской нефти в средиземноморский регион осуществлялись через узкие каналы (Суэц, Дарданеллы, Гибралтар) и оказывались под угрозой закрытия во время войны. Американские владельцы “ИПК” теперь видели в Ираке не только точку опоры на Ближнем Востоке, но и производственную базу для усиления своих позиций на европейских и ближневосточных рынках, а также основу для дальнейшей экспансии в восточном полушарии. Поэтому в начале 1930-х годов в своей борьбе за увеличение темпов разработки иракской нефти Франция получила союзника в лице влиятельных американских нефтяных трестов.

В конце января 1931 г. в Лондоне признали, что сложившееся в Женеве и Багдаде положение является критическим, и Англии следует пойти на уступки. Британское правительство приняло два решения, кардинально менявших стратегию отмены мандата на Ирак: во-первых, любой ценой сохранить фундаментальный альянс с Францией на Ближнем Востоке; во-вторых, допустить к иракской нефти Германию и Италию. Верховному комиссару в Ираке были даны указания использовать все имеющиеся средства давления с тем, чтобы добиться согласия иракского правительства на строительство нефтепровода с двумя ветками равной мощности и форсировать выдачу концессии “БОД”. Лондон обещал компенсировать Ираку политические издержки такого компромисса финансовой помощью в строительстве Багдадской железной дороги²⁰.

Новое соглашение с “ИПК” было подписано 24 марта 1931 г. Компания получила нефтяные права в провинциях Мосул и Багдад на восточном берегу Тигра и освободилась от всех обязательств, связанных с политикой “открытых дверей” и сооружением железной дороги на Хайфу. Права на эксплуатацию территорий к западу от р. Тигр были переданы “БОД” 20 апреля 1932 г. Выдача нефтяных концессий двум многонациональным компаниям давала Ираку сильные аргументы в пользу отмены мандата. Согласие Лондона пойти на компромисс и допустить к иракским нефтяным ресурсам аутсайдеров обеспечило благоприятную атмосферу в Женеве. 3 октября 1932 г. Ассамблея Лиги Наций единогласно решила предоставить Ираку независимость. При этом

¹⁸ *Rabinovich I. Oil and Local Politics: The French-Iraqi Negotiations of Early 1930s. – The Great Powers in the Middle East, 1919–1939. New York – London, 1988, p. 173–181.*

¹⁹ NAGB PRO, CO 730/160/6, f. 88001, p. 1. Опасения Фейсала оправдались быстро. Помимо Али, Париж также предложил сирийский трон шерифу Али Хайдару, члену конкурировавшей ветви Хашимитской фамилии, и одному из сыновей Ибн Сауда. Затем последовала серия интриг: каждый из претендентов пытался сделать Франции выгодные предложения.

²⁰ *Ibid.*, CO 730/160/2, f. 88001B; CO 730/160/3, f. 88001C.

вопрос о гарантиях прав национальных и религиозных меньшинств остался открытым. Лидеры ассирийских племен стали договариваться с Парижем о переселении своего народа в Сирию под защиту французского мандата, предоставляя тем самым французам дополнительный аргумент в пользу сохранения мандатных режимов в полиэтническом Леванте. Попытка перехода беженцев через ирако-сирийскую границу привела к кровавой развязке. В кампании массового истребления ассирийцев принимали участие иракские правительственные войска, курды и арабские кочевые племена Сирийской пустыни²¹. Англия была вынуждена оказать военную помощь Багдаду в подавлении ассирийских выступлений²². Германия, Италия и Франция одобрили действия Лондона. В частности, германские дипломаты в Женеве и Багдаде получили указания не вмешиваться в ассирийский вопрос и способствовать примирению между Англией и Ираком. В ходе беседы главы германской дипломатической миссии в Багдаде Ф. Гроббы с Ф. Хэмфри стороны согласились в том, что восстановление стабильности и порядка является непременным условием успешного продвижения германских экономических интересов в Ираке, и в этом деле Лондону и Берлину следует действовать сообща²³.

Ассирийская резня серьезно подорвала авторитет Ирака в глазах мирового сообщества, продемонстрировала политическую незрелость молодого арабского государства, получившего чрезмерно большие права. Это играло на руку британским имперским интересам: теперь с повестки дня на долгое время снимался вопрос о пересмотре неравноправных отношений между Ираком и Англией. Великобритании не вполне устраивала цена, которую ей пришлось заплатить за смену формы своего контроля в Ираке: политика “открытых дверей” вместо полной ликвидации была заменена режимом наибольшего благоприятствования для стран-членов Лиги Наций, к разработке иракской нефти был допущен аутсайдер – “БОД”, за спиной которой стояли интересы правительств Италии и Германии.

Кроме того, усугубились проблемы меньшинств, что привело к политической дестабилизации на севере Ирака, в нефтеносных провинциях страны, где разворачивала свою деятельность “ИПК”. В этой связи Лондон пытался убедить мировую общественность в том, что Ирак не готов к независимости, и бывший мандатарий снимает с себя ответственность за все последствия недальновидных решений Лиги Наций.

Нефтепровод к Средиземному морю был построен в рекордно короткие сроки. Осенью 1934 г. иракская нефть вышла на мировые рынки. Когда западный мир начал постепенно оправляться от экономического кризиса 1929–1933 гг., добыча нефти в Ираке стала быстро расти и в 1935 г. достигла 3,67 млн т. Ирак занял восьмое место среди главных стран-производителей (1,6% мировой добычи). Однако мощность нефтепровода (4 млн т в год) ограничивала экспортные возможности Ирака, что позволило “ИПК” установить контроль над уровнем нефтедобычи и приостановить ее дальнейший рост. Иракская нефть поступила на мировой рынок в период глубокой депрессии, перепроизводства, низких цен и больших запасов на складах.

Мировая общественность удивлялась той поспешности, с какой был проложен нефтепровод. Главная причина скрывалась в военно-политических мотивах Англии и Франции. Нефтепровод в целом был приспособлен для военных нужд. Насосные станции, оборудованные новейшими образцами радиотелеграфной и телефонной связи, взлетно-посадочными полосами, мастерскими, жилыми и складскими помещениями, стали базами для военно-воздушных и сухопутных сил. Локализация станций также свидетельствовала о превалировании стратегических аспектов при проектиро-

²¹ The Near East and India, 14 September 1933, p. 754; Economist, 26 August 1933, p. 405–406.

²² Иракские националисты видели в разгроме ассирийцев символ ослабления Великобритании, и это подогревало их желание продолжать борьбу против бывшего мандатария. – *Silverfarb*. Op. cit., p. 44–46; *Grobba F.* Die Männer und Mächte im Orient. Göttingen, 1967, S. 81–82; The Near East and India, 27 September 1934, p. 754.

²³ *Grobba F.* Op. cit., S. 84.

вании маршрута. Посадочные площадки вдоль линий позволяли производить сосредоточение авиации, применять ее против повстанцев и предотвращать набеги местных племен.

Новым звеном в деле обеспечения возможных военных операций на Ближнем Востоке стало строительство современных портов в Хайфе и Триполи, которые в случае необходимости могли быть использованы в качестве военно-морских баз и мест высадки сухопутных войск. Территории, по которым прокладывался нефтепровод, со всеми прилегавшими районами от Персидского залива до Средиземного моря являлись не только подступом к Индии, но фактически превращались в плацдарм для ведения военных действий против СССР, Турции и Персии. В этом деле также особая роль отводилась железнодорожному строительству. Англия пыталась предотвратить распространение советского влияния в восточной части британской сферы интересов и создать угрозу нефтепромыслам Баку и Батуму – конечному пункту бакинского нефтепровода. Установление контроля над нефтяными ресурсами Персии и Ирака объективно порождало конфликт Великобритании с Советским Союзом, ставшим благодаря бакинской нефти важным фактором мировой нефтяной политики²⁴.

Таким образом, сооружение иракского нефтепровода стало составной частью широкомасштабных мероприятий Англии и Франции по укреплению своих стратегических позиций на Ближнем Востоке. Это свидетельствовало о нарастании противоречий между двумя державами и, в то же время, о наличии совместных военных планов в отношении СССР. Вместе с тем англо-французское соперничество в арабских странах не приняло острой формы также и в силу того, что Францию в большей степени беспокоила активизация Италии в Средиземном море. Англию же занимали вопросы, связанные с подавлением курдского восстания под руководством М. Барзани, налаживанием отношений с Ибн Саудом и стабилизацией ситуации в Персии. Кроме того, Уайтхолл при содействии “ИПК” взял курс на вытеснение из Ирака германского и итальянского нефтяного капитала. Финансово-политическая подстраховка, оказанная “БОД” правительством Веймарской республики, а затем приход нацистов к власти указывали на возрождение интереса Германии к Ближнему Востоку и его тесную связь с нефтяной политикой. Новые тенденции во внешнеполитическом курсе Ирака, Ирана, Египта, Сирии и Турции укрепляли опасения Лондона в возможности сближения Германии с националистическими лидерами региона. Это был мощный стимул к тому, чтобы британское правительство мобилизовало весь свой защитный механизм. Нефтяная дипломатия на Ближнем Востоке вступила в новую фазу.

Англия избрала путь финансового прессинга: банки лондонского Сити стали сворачивать свои дела с “БОД”. Тактика действий против опасного конкурента также предусматривала использование и усугубление франко-итальянских противоречий в Средиземноморье и итало-германского соперничества в вопросах получения промышленных и военных заказов в Ираке. Кроме того, Англия выдвинула идею сотрудничества в Средиземном море и предприняла шаги к сближению с Италией. Муссолини понимал, что Лондон намерен использовать итальянцев против германского нефтяного капитала в Ираке, но перспектива британской поддержки в условиях разгорающегося конфликта в Абиссинии оказалась более привлекательной. В марте 1935 г. в ходе очередной эмиссии уставного капитала “БОД” усилиями правительств Италии и Англии итальянская группа получила контрольный пакет акций²⁵. Для Лондона и Рима мощным стимулом к этим действиям стало введение в Германии всеобщей воинской повинности и официальное заявление Берлина о форсированном наращивании вооруженных сил. Это предполагало колоссальный рост нефтяных потребностей. Со временем Германия была бы вынуждена решать вопрос об установлении контроля над крупными источниками нефти, расположенными вне ее границ.

²⁴ NAGB PRO, CO 732/54/9, f. 98075; CO 732/59/7, f. 18175; CO 732/59/8, f. 18175/1; CO 730/62/2, f. 18269; Air Ministry (далее – AIR) 2/1239.

²⁵ *Grobba F. Op. cit.*, s. 93.

С приходом Гитлера к власти нефтяная политика стала приобретать преимущественные позиции в рамках военно-стратегической программы нацистского правительства, но до осени 1936 г. она находилась в стадии формирования. Рейх делал выбор между синтетическим и природным топливом, апробируя различные методы самообеспечения нефтепродуктами. Первоначально германским владельцам “БОД” было отказано в валютных кредитах на разработку концессии в Ираке, строительство нефтепровода Гайяра – Александретта и скупку британских и французских акций.

Чем был вызван отказ германского руководства и лично Гитлера в укреплении немецких позиций в “БОД” в 1933–1935 гг.? Завоеванию “мирового господства арийской расы” должны были предшествовать создание германской континентальной империи, захват европейской части СССР. Это сводило фокус германских интересов к установлению “великой экономической сферы” в Юго-Восточной Европе, которая обеспечила бы военно-экономические нужды рейха. Первый этап экспансии, по возможности, должен был осуществляться в союзе с Великобританией и Италией. Создание такого альянса предполагало взаимное признание сфер влияния: Германия могла получить “свободу рук” в континентальной Европе, Италия – шанс на создание своей Средиземноморской империи. Поэтому обеим державам следовало сдерживать свои амбиции в сфере британских интересов. Восточные страны, граничащие с СССР (Турция, Иран, Афганистан), занимали особое место в плане гитлеровской экспансии на восток. Германское руководство стремилось избежать преждевременного конфликта с Англией и не инвестировать валютные резервы в предприятия на враждебной британской территории. Эта стратегическая установка ограничивала возможности активизации экономических связей Германии с Ираком и арабскими странами²⁶.

Колониальная война в Восточной Африке выявила просчеты в нефтяной политике Италии, которая не могла обеспечить гарантированных поставок топлива. Ситуацию усугубили попытки Лиги Наций ввести нефтяные санкции против агрессора. Германия, казалось, непричастная к итало-абиссинскому конфликту, была вынуждена покупать нефтепродукты по ценам военного времени. Нефтяные проблемы Италии, да и самой Германии, возникшие во время войны в Италии в Абиссинии, стали для Берлина уроком. Произошла дальнейшая трансформация германской нефтяной политики: отношение германских правящих кругов к “БОД” изменилось. Мосульская нефть, хотя и не давала Германии желаемой нефтяной независимости, все же могла внести весомый вклад в обеспечение рейха стратегическим сырьем²⁷.

Важный политический аспект концессии “БОД” заключался в возможности использовать ее в борьбе с мировыми нефтяными трестами, потеснить их позиции не только в Ираке, но и в нефтедобывающих странах Центральной и Южной Америки. Нефтедобывающие страны приобретали для Германии особую значимость в условиях нараставшего конфликта между великими державами. Осенью 1935 г. Берлин одобрил меры, нацеленные на укрепление германских позиций в “БОД” за счет скупки итальянского холдинга при поддержке британских держателей. В этой связи германские акционеры начали переговоры с англо-американской нефтяной группой Баргесс–Дэвис, владевшей сетью нефтеперерабатывающих заводов в Европе. Взаимный интерес Дэвиса и немецкого промышленного капитала основывался на стремлении проводить совместную политику противодействия “ИПК”. Американский магнат Дэвис, действуя через немцев, стремился к слиянию мексиканской и иракской нефтяных концессий и хотел получить доступ к арабской нефти и право на снабжение нефтяного рынка Германии, который рос в связи с подготовкой к войне. Дэвис планировал сначала скупить итальянский пакет акций, затем объединиться с германскими владельцами “БОД” и создать новую нефтяную компанию, которая поставляла бы сырую нефть из

²⁶ Hillgruber A. The Third Reich and the Near and Middle East, 1933–1939. – The Great Powers in the Middle East, 1919–1939. New York, London, 1988, p. 274–275.

²⁷ Grobba F. Op. cit., S. 94.

Ирака и Мексики в Европу на перерабатывающие заводы, независимые от мировых нефтяных трестов²⁸.

В 1935 г. интерес к экспорту нефти “БОД” стали также проявлять Каир и Анкара. Египет был самой старой нефтедобывающей страной Арабского Востока и задумывался о самостоятельной нефтяной политике. В ноябре 1935 г. египетское правительство приступило к разработке проекта государственной нефтяной монополии, который предусматривал строительство национального нефтеперегонного завода и снабжение страны собственными нефтепродуктами. Доступ египетского капитала к нефтяным источникам Мосула путем приобретения пакета акций “БОД” в значительной степени облегчал решение этой задачи. Речь шла об атаке на монопольные позиции английской группы “Шелл” на нефтяном рынке Египта. Кроме того, успех Каира мог вдохновить Ирак, который строил аналогичные схемы освобождения от монополии “ИПК”. Анкара, в свою очередь, выступила с идеей создания независимого регионального нефтяного рынка недорогих нефтепродуктов местного производства. Кроме Турции в этот рынок вошли бы Египет и Ирак. Лондон констатировал, что с учетом наметившегося ирако-турецкого сотрудничества не только в нефтедобыче, но и в сфере железнодорожного строительства, в регионе складывался антибританский Восточный блок. Образование этого блока могло бы привести к краху “Соглашения о красной черте”, что представляло прямую угрозу стратегическим позициям Англии на Ближнем Востоке. В сложившихся условиях Лондон в своей политике, направленной против “БОД”, должен был учитывать регионально-политические риски и проявлять еще большую осторожность²⁹.

Лондон позволил “ИПК” захватить “БОД”: установление связей между американским нефтяным капиталом и германскими промышленниками не оставляло Британии иного выбора. Весной 1936 г. усилиями правительств Англии и Италии итальянский холдинг в “БОД” был увеличен до 75%, а затем скуплен через филиал “АИНК”³⁰, которая действовала как акционер “ИПК”. Решающую роль в этой трансакции сыграла итало-абиссинская война. Италия получала нефтепродукты из районов, находившихся под британским контролем, взамен на отказ от нефтяной концессии в Ираке. Перспектива приобретения итальянской доли участия в “БОД” стала одной из главных причин сдержанной позиции Лондона в отношении нефтяных санкций Лиги Наций против агрессора. Летом 1936 г. в ходе судебного разбирательства “ИПК” убрала из состава “БОД” немецкую группу и нейтрализовала ее американских партнеров. Британские независимые акционеры и франко-швейцарский капитал ушли из иракской концессии, получив денежную компенсацию³¹.

Крах “БОД” как многонациональной нефтяной компании по времени совпал с провозглашением Гитлером четырехлетнего плана подготовки Германии к войне за расширение своего “жизненного пространства”. Ключевой проблемой военной экономики рейха было ее обеспечение сырьем. В качестве главного объекта агрессии рассматривался богатый сырьевыми ресурсами СССР. По мнению германских исследователей, неудачная попытка нацистского рейха получить доступ к иракской нефти через “БОД” стала одной из предпосылок кавказского похода 1941–1942 гг.³²

В связи со сменой владельцев “БОД” стали оправдываться худшие опасения иракского правительства. “ИПК” сразу же приостановила выплату нефтяных отчислений с обеих концессий, ссылаясь на многочисленные разрушения хайфской линии нефтепровода. Это был эффективный метод давления Англии на Багдад, который в 1936 г.

²⁸ NAGB PRO, FO 371/20007, E956/E1627/479/93, E2591/E2866/479/93.

²⁹ Ibid., FO 371/20002, E7016/E7245/132/93; FO 371/20007, E2317/3321/479/93.

³⁰ В 1935 г. “АПНК” была переименована в “Англо-иранскую нефтяную компанию” – “АИНК”.

³¹ NAGB PRO, FO 371/20007, E2866/E3030/479/93, E4067/E4441/479/93.

³² Meicher H. Op. cit., S. 106–107; Geschichte und Gesellschaft, Bd. 2. Göttingen, 1976, S. 35–65, 66–88.

поддерживал восставших арабов Палестины³³. В 1938 г. “ИПК” добилась от иракских властей предоставления ей нефтяной концессии на юге страны. Таким образом, к концу 1930-х годов “ИПК” и ее филиалы установили монополию в нефтяном деле Ирака, закрыв аутсайдерам доступ к нефтяным ресурсам страны.

Однако Вторая мировая война придала новый вектор развитию нефтяной дипломатии на Ближнем Востоке. Нефтяной фактор являлся одним из ключевых в стратегии и тактике воюющих держав. Правительство Франции, продолжая придерживаться курса на нефтяную независимость, потребовало включить Ирак в число главных поставщиков сырой нефти для союзников и в этой связи предлагало провести реконструкцию нефтепровода и удвоить объемы иракского нефтяного экспорта. Хотя нефть Ирака являлась главным источником снабжения британского военно-морского флота в Восточном Средиземноморье, Англия все же отдавала приоритет более крупным и развитым нефтепромыслам соседнего Ирана, которые поставляли для британской армии и авиации высококачественное горючее. Поэтому Лондон блокировал инициативу Франции³⁴.

10 июня 1940 г. Италия вступила в войну на стороне Германии и закрыла Центральное Средиземноморье для кораблей союзников. На следующий день “ИПК”, действуя по инструкции Лондона и с согласия Парижа, перекрыла северную ветку нефтепровода, поскольку транспортировка нефти из Триполи в Европу теперь была исключена. Компания также сократила выход иракской нефти в Хайфу до 792 тыс. т в год, до уровня нефтяных потребностей британского флота, базировавшегося в восточной части Средиземного моря. В результате принятых мер уровень нефтяного производства в Ираке снизился на 16,45%; в 1940 г. это был самый высокий в мире показатель падения добычи нефти. Ввиду ограничения нефтяного экспорта, отчисления “ИПК” и ее филиалов в иракскую казну сократились на треть. Это вызвало волну негодования в политических и военных кругах Ирака, которые были возмущены тем, что решение о сокращении экспорта нефти было принято без согласования с Багдадом и без компенсации за потерянные доходы. Ситуацию накалили события, связанные с капитуляцией Франции: Лондон секвестрировал французскую долю участия в “ИПК” и передал ее под британскую опеку. Вывоз иракской нефти оказался под полным британским контролем³⁵.

Действия Англии и “ИПК” в июне 1940 г. укрепили радикально настроенные националистические круги Ирака в их стремлении к переориентации внешнеполитического курса Багдада на сотрудничество с державами “оси”. В результате нарастания в Ираке антибританских и прогерманских настроений, прихода к власти националистической оппозиции во главе с Р.А. Гайлани и военных неудач Англии весной и летом 1940 г., англо-иракские отношения вошли в полосу затяжного кризиса.

Германская угроза и рост национализма в Ираке способствовали трансформации британской нефтяной политики. Для сохранения своего влияния в регионе Англия нуждалась в сильных союзниках. Выбор ограничивался двумя великими державами – СССР и США, с интересами которых Англии также необходимо было считаться. Политико-стратегические цели США на Ближнем Востоке были закамуфлированы экономическими интересами, а СССР воспринимался как опасный политический соперник. Поэтому Лондон сделал ставку на сотрудничество с США, выразив готовность пойти на уступки в вопросах продвижения американских нефтяных интересов в арабских странах.

Осенью 1940 г. британские директора “ИПК” инициировали в Нью-Йорке переговоры о передаче американским партнерам французской доли участия в иракских нефтяных концессиях. Однако госдепартамент США отклонил британское предложение, считая, что этот шаг крайне негативно повлияет на расстановку политичес-

³³ NAGB PRO, FO 371/20012, E7037/1393/93; FO 371/20800, E1449/65/93.

³⁴ Ibid., FO 371/24557, E1093/E1125/225/93, E1218/E1259/225/93, E1322/E1435/225/93.

³⁵ Ibid., FO 371/24547, E2129/213/65; FO 371/24556, E2198/203/93; FO 371/24557, E2647/225/93; FO 371/24561, E2349/1452/93.

ких сил во Франции. Продукция Ирака покрывала 35% французских потребностей в нефти. “ИПК” также имела множество концессий за пределами Ирака, что в перспективе допускало Францию к нефтяным предприятиям арабских стран³⁶. В случае утраты французского пакета акций в “ИПК” правительство Виши не упустило бы возможности обвинить Ш. де Голля в том, что он торгует национальными интересами Франции ради установления англосаксонского мира. Напротив, возврат французских прав в “ИПК” после войны мог весьма серьезно укрепить авторитет голлистов, сотрудничавших с Англией и США. На переговорах в Нью-Йорке, которые продолжались больше года, также обсуждался вопрос о передаче Италии французской доли участия в иракской нефти. Однако Лондон и Вашингтон в конечном итоге отвергли и эту идею, поскольку за такую цену вряд ли можно было купить выход Италии из “оси”³⁷.

Курс на захват экономически важных территорий не вызывал разногласий в руководстве “третьего рейха”; противоречия возникали лишь по поводу очередности этапов агрессии. В июле 1940 г. Гитлер принял принципиальное решение о нападении на СССР. Но некоторые представители военных и политических кругов Германии считали правильным нанесение первоначального удара на Ближнем Востоке. По их мнению, рейху прежде всего следовало бы захватить иракскую нефть, чтобы обеспечить последующие операции вермахта. Иракский плацдарм также мог быть использован против британской Индии и СССР. Обстоятельством, облегчавшим оккупацию Ирака и соседних стран, был подъем антибританских настроений на арабском Востоке. Однако Германии было не под силу решение главных задач континентальной стратегии в Европе одновременно с развертыванием активных действий в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Поход на СССР и захват Северной и Восточной Африки могли открыть державам “оси” дорогу к Индийскому океану. Пока же эти планы были туманны и противоречивы. В то же время, Германия могла бы получить ряд стратегических преимуществ в случае открытия в Ираке второго фронта против Англии. Поэтому осенью 1940 г. Берлин взял курс на установление тесных контактов с иракскими националистами, но это было лишь политической тактикой в общей стратегии борьбы Германии с Англией³⁸.

Лондон, со своей стороны, стал разрабатывать широкий спектр мер экономического, политического и военного характера, чтобы не допустить расширения театра военных действий в зону персидского залива³⁹. Наряду с германской угрозой, британская дипломатия также была встревожена активизацией советской внешней политики в зоне Персидского залива, связывая это с визитом Молотова в Германию 12–13 ноября 1940 г. Однако проект соглашения о разграничении сфер влияния между участниками Тройственного пакта и СССР, предложенный Риббентропом, не был реализован. Тем не менее, следует признать тот факт, что тактика германской стороны, стремившейся выяснить долгосрочные политические цели советского руководства, строилась на том, что тогда Сталин считал именно Англию потенциальным противником СССР. Германской делегации не удалось втянуть советских дипломатов в обсуждение проблем, связанных с разделом Британской империи, но определенные выводы Берлин сделал. Молотов не стал комментировать предположение Риббентропа о том, что “центр территориальных aspirations СССР лежит в направлении на Юг, к Индийскому океану”. Однако через две недели уже в Москве он фактически повторил этот тезис, заявив, что советская сфера влияния должна простираться южнее Баку и Батума в сторону Персидского залива⁴⁰.

³⁶ Филиалы “ИПК” вели разведку в Западной, Юго-Восточной и Восточной Аравии, Катаре, Палестине, Сирии, Ливане, Трансиордании и на острове Кипр.

³⁷ *Meicher H.* Op. cit., Bd. 2, S. 61–62.

³⁸ *Schröder B.* Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg. Göttingen, 1975, S. 31.

³⁹ NAGB PRO, FO 371/24549, E3093/2107/65.

⁴⁰ Документы внешней политики, т. 23, кн. 2. М., 1998, с. 72, 136.

Косвенная ссылка Молотова на нефтяные районы СССР объясняет причину особого внимания советского правительства к территориям, расположенным к югу от советских границ. СССР не имел проблем с минеральными ресурсами, но советское руководство было весьма заинтересовано в том, чтобы в смежных с нефтеносным Кавказом районах было спокойно. Иными словами, интерес СССР к Персидскому заливу был обусловлен скорее стратегическими и политическими мотивами, нежели желанием получить доступ к его нефтяным источникам. В этой связи иракский специалист по нефтяной экономике Ф. Дж. Чалаби⁴¹ отмечал, что советской дипломатии приходилось наверстывать упущенное в предыдущие десятилетия время, что объективно ограничивало масштабы ее деятельности. В силу указанных причин СССР не мог стать активным игроком в борьбе за иракскую нефть накануне и в годы Второй мировой войны. Но, при любом раскладе, державам, заинтересованным в Ближнем Востоке, теперь следовало принимать в расчет советский фактор.

Англия и Германия стремились использовать советские внешнеполитические интересы, чтобы привлечь на свою сторону правительства стран Ближнего и Среднего Востока⁴². 1 апреля 1941 г. в Ираке произошел военный переворот. Армейские лидеры поручили Гайлани сформировать новый кабинет. Это был открытый вызов Англии на фоне военных успехов Германии в Северной Африке, Греции и Западной Европе. Лондон не сомневался, что за Гайлани стоят Берлин и Рим. Версия о том, что державы “оси” срежиссировали антибританское восстание в Ираке, была широко представлена в литературе. Вместе с тем, авторитетные исследователи считают, что переворот был обусловлен кризисом в англо-иракских отношениях, доминированием националистических групп в политической и армейской элите Ирака, а также угрозой расширения мировой войны в зону Персидского залива⁴³. Германия в силу своих стратегических и экономических, в том числе нефтяных интересов внимательно следила за развитием событий в Ираке. Переворот в Багдаде не был неожиданностью для нее. Однако, поддерживая иракских националистов как потенциального союзника в деле сокрушения британского господства на Ближнем Востоке, германское руководство было не готово к масштабному вмешательству в арабские дела, особенно в свете последних приготовлений к нападению на СССР⁴⁴.

Нефтяной фактор был одним из ключевых в военной стратегии Германии. Недостаток сырья, в частности нефти, являлся слабым звеном в военной экономике стран “оси”. Могла ли нефть Ирака разрешить нефтяные проблемы Германии и Италии в случае, если бы последние предприняли успешную военную кампанию на Ближнем Востоке? Для ответа на этот вопрос по указанию руководства третьего рейха эксперты подготовили ряд статистических обзоров и аналитических записок. В них подчеркивалось исключительное значение иракской нефти для ведения наступательных операций на Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье и Красном море. Вместе с тем, было очевидно, что в случае германской угрозы британские войска попытаются уничтожить имеющиеся в арабских странах нефтяные объекты. Если бы Германии и удалось захватить действующие нефтепромыслы Ирака, вставал бы вопрос доставки иракской нефти на германские и итальянские базы в условиях, когда транспортные пути находились под контролем Англии, Турции и СССР. Кроме того, с учетом

⁴¹ Интервью д-ра Ф. Дж. Чалаби автору статьи от 4 апреля 2008 г. Чалаби занимал руководящие посты в нефтяных и финансовых департаментах правительства Ирака (1968–1976), в секретариате ОАПЕК и ОПЕК (1976–1983), исполнял обязанности Генерального секретаря ОПЕК (1983–1988); с 1989 г. – исполнительный директор Центра глобальных энергетических исследований в Лондоне.

⁴² NAGB PRO, FO 371/24562, E2910/2910/93.

⁴³ *Мурский Г.* Ирак в смутное время. М., 1961, с. 161–162; *Warner G.* Iraq and Syria 1941. London, 1974, p. 88, 94; *Shikara A.* Iraqi Politics 1921–1941. London, 1987, p. 175; *Penrose E.* Op. cit., p. 100–101; *Tripp Ch.* Op. cit., p. 103–105.

⁴⁴ *Schröder B.* Op. cit., S. 31, 66, 143; *Hirszowicz L.* The Third Reich and the Arab East. London, 1966, p. 40–41, 86–94.

географического расположения Ирака в зону военных действий непременно были бы втянуты страны Леванта и Персидского залива. Иными словами, Германии следовало разработать концепцию широкомасштабной войны на Ближнем Востоке⁴⁵. Поэтому единственным шансом пополнить германские запасы горючего являлся захват советской нефти⁴⁶.

В связи с военным переворотом в Багдаде британское правительство приняло решение о вводе войск в Ирак, но желание сместить кабинет Гайлани не являлось главным побудительным мотивом. Анализ материалов британской межведомственной переписки приводит к выводу о том, что в первую очередь Англия руководствовалась принципами своей военной стратегии, в рамках которой стремилась укрепить безопасность военно-воздушной базы и порта в Басре, а также защитить нефтепромыслы Северного Ирака и Южного Ирана. Оккупация Ирака позволяла приступить к масштабным мероприятиям по демонтажу его нефтяных объектов. Это вынудило бы Германию на время отказаться от продвижения на Ближний Восток и направить удар на другой нефтеносный район – советский Кавказ. Разрушение иракской нефтяной промышленности могло способствовать втягиванию Германии в войну против СССР. При этом с военно-воздушных баз в Ираке планировалось нанести бомбовые удары по нефтепромыслам Баку в случае их захвата Германией. Для Англии это был важный фактор в ее стратегическом раскладе, поскольку агрессора следовало лишить доступа к нефтяным ресурсам⁴⁷.

После установления британского военного контроля над Ираком на нефтепромыслах страны развернулись масштабные работы по консервации продуктивных скважин, демонтажу и эвакуации движимого оборудования и материалов, которые проводились без согласия и уведомления иракских властей⁴⁸. С учетом принятых мер, очевидно, что Англия была готова разрушить весь нефтяной сектор Ирака, если бы британским войскам пришлось покидать страну. В то же время Англия надеялась удержать Ирак, поэтому старалась не нанести серьезный ущерб его экономике и не придерживалась тактики “выжженной земли”. Но следует учитывать, что союзники должны были предотвратить захват иракской нефти державами “оси”. Однако все, что было сделано в этом отношении оккупационными властями и “ИПК”, расценивалось как проявление антииракской политики и объективно вело к росту напряженности в отношениях между Ираком и Англией.

* * *

Таким образом, в силу своего стратегического положения и нефтяного потенциала Ирак в 1928–1941 гг. фактически стал заложником конфликтов между западными державами, каждая из которых пыталась использовать Багдад в качестве разменной монеты в своих сложных, многоходовых дипломатических комбинациях и отводила иракской нефти особую роль в борьбе за сферы влияния на Ближнем Востоке.

Зигзаги международной и региональной политики объективно не позволяли Ираку окончательно решить проблему транспортировки своей нефти к рынкам сбыта. Нет оснований утверждать, что если бы на рубеже 1920-х–1930-х годов выбор был сделан в пользу единственного сирийского маршрута нефтепровода, у Ирака появились бы новые исторические альтернативы.

⁴⁵ Die Bedeutung des Irak-Öls für die Kriegsführung im Vorderen Orient. Berlin, 5.03.1941. – Meicher H. Op. cit., Bd. 2. Stuttgart, 1990, S. 57–59; Erdöl in Europa und im Nahen Orient. Berlin, 1940; Die Erdölfelder des Iraq. Berlin, 1941.

⁴⁶ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., 1973, с. 146; Yergin D. The Prize. The Epic Quest for Oil, Money and Power. New York, 1991, p. 334–336.

⁴⁷ NAGB PRO, FO 371/24559, E2004/495/93; FO 371/27064, E1456/1/93; FO 371/27066, E1609/1/93, E1623/1/93; FO 371/27073, E2737/1/93; FO 371/27104, E3973/1627/93; War Office (далее – WO) 201/1325; AIR 23/5853; AIR 8/497.

⁴⁸ NAGB PRO, FO 371/27093, E1715/E1942/166/93; FO 371/27096, E363/E3374/227/93; WO 201/1431; WO 201/1519; AIR 8/497.

Хотя Багдад санкционировал выдачу нескольких нефтяных концессий, охвативших в конечном итоге всю территорию Ирака, следует особо отметить, что этот процесс завершился до того, как страна приобрела независимость и вступила в Лигу Наций⁴⁹. Этот фактор стал одним из ключевых в развитии нефтяного сектора иракской экономики, он предопределял специфику политической и экономической истории страны, а также оказывал влияние на изменения в региональном балансе сил, как в рассматриваемый период, так и в последующие десятилетия.

В поисках путей создания национальной нефтяной промышленности как основы экономического возрождения иракское правительство столкнулось с проблемой выбора между монополией и соперничеством иностранных нефтяных компаний. В 1920-е–1930-е годы в мире существовало всего несколько крупных корпораций, способных осваивать новые нефтеносные районы Ближнего Востока. У Багдада не было оснований ожидать, что эти фирмы будут соперничать между собой, а не предпочтут действовать сообща. Кроме того, разработка новых месторождений максимально быстрыми темпами в тех условиях привела бы к падению мировых цен на нефть и сокращению нефтяных доходов правительств стран-производителей.

С учетом низкого образовательного уровня населения Ирака в целом, отсутствия профессиональных кадров и управленческого опыта, а также политической нестабильности в стране, нет причин полагать, что быстрый рост доходов от продажи нефти на мировом рынке привел бы Ирак к ускорению темпов экономического развития.

Следует признать, что в определенной степени иностранные нефтяные монополии действовали в интересах Ирака, обеспечивая его высокими доходами от продажи небольших партий нефти, тем самым, сохраняя национальные минеральные ресурсы и закладывая базу для долгосрочного экономического развития страны. Однако данный результат был скорее побочной производной общей коммерческой стратегии “ИПК”, при разработке которой национальные интересы нефтедобывающей страны не относились к числу приоритетных. Багдад рассчитывал, что нефтяные доходы станут главным и самым крупным источником пополнения золотовалютного запаса государства, поэтому разработка и реализация программ экономической модернизации в первую очередь связывалась с форсированным развитием нефтяного сектора и подготовкой к проведению самостоятельной нефтяной политики. Но вопросы определения объемов нефтяного экспорта, цен на нефть или выбора покупателя оставались вне компетенции иракского правительства; оно не могло влиять на процесс принятия решений в этой области. Ключевую роль играл тот факт, что в распоряжении нефтяных компаний находились финансовые и технические ресурсы, квалифицированный персонал, информация, выход на мировые рынки. Стремясь ускорить развитие национального нефтяного сектора, иракские власти стали использовать те же методы, что правительства и нефтяные компании стран Запада – политический прессинг и угрозы, лоббирование и подкуп, блеф и двойные стандарты.

Специфика нефтяной дипломатии также была непосредственно связана со структурой “ИПК”. Компания состояла из четырех национальных групп, каждая из которых стремилась проводить собственную коммерческую политику и при этом должна была оставаться в рамках внешнеполитического курса своей страны. Это создавало специфические проблемы для иракских властей и объективно ставило Ирак в более неблагоприятные условия по сравнению с другими странами региона, где монополию приобретал гомогенный иностранный капитал. Вместе с тем, хотя “ИПК” являлась многонациональной компанией, фактически это была британская фирма. Все ключевые посты в правлении “ИПК” и ее филиалов занимали англичане; большая часть материалов и оборудования для нефтепромыслов производилась на британских заводах. Тесные контакты, координация действий и обмен информацией между “ИПК” и офи-

⁴⁹ Исключение составляла концессия “ИПК” в Бассорском вилайете, но ее условия были аналогичны концессии “БОД”, полученной еще до отмены британского мандата на Ирак.

циальным Лондоном происходили на регулярной основе как до, так и после получения Ираком независимости. Высшие британские чиновники всегда подчеркивали, что “ИПК” никоим образом не связана с британским правительством, однако документы британских ведомственных архивов опровергают этот тезис. Англосаксонские компании в обмен на дипломатическую помощь в иракских делах всегда поддерживали британское правительство в реализации его политико-стратегических интересов в Ираке и во всем регионе.

Иракцы были недовольны засильем иностранного капитала в нефтяной отрасли и британским вмешательством во внутренние дела страны. Националистические круги Ирака акцентировали свое внимание на британском характере “ИПК” и ее доминировании в нефтяной промышленности. В итоге “ИПК” стала одним из символов ограничения независимости Ирака. Вместе с тем, следует признать, что проблема ликвидации британского контроля привлекала иракских националистов больше, чем нарастание сепаратистских тенденций в стране, соперничество гражданских и военных лидеров, активное вмешательство армии в политическую жизнь. Все эти факторы в большей степени, чем не прямое британское влияние, уводили страну на неблагоприятный путь развития. Популизм политиков фактически дезориентировал иракскую общественность.

Вряд ли можно согласиться с мнением о том, что если бы в Ираке оперировали несколько нефтяных компаний из различных стран, воздействие нефтяного фактора на политическую жизнь страны было бы меньше. Также нельзя утверждать, что все проблемы современного иракского общества восходят к временам мандата Лиги Наций, являются результатом “поспешной” эмансипации страны или связаны исключительно с ее богатыми нефтяными ресурсами. С 1932 г. круг претендентов на иракскую нефть постоянно расширялся, порождая массу рецептов решения иракской проблемы, вплоть до прямого военного вмешательства. Именно реалии международной и региональной политики, а также комплекс причин внутреннего порядка не позволили Ираку успешно реализовать свой экономический потенциал.